

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ РУНЕТА

АНТОН ТЕКШИН
РАЗМОРОЖЕННЫЙ
Cooldown

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т30

Разработка серии *А. Саужова*

Иллюстрация на обложке *М. Петрова*

Текшин, Антон Викторович.
Т30 Размороженный. Cooldown / Антон Текшин. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-04-105800-5

Первый роман цикла боевой фантастики от звезды Литрес и autor.today. Антон Текшин — автор категории «must have» для ценителей качественной фантастики в целом, и ЛитРПП в частности.

Что может быть в холодильнике? Еда? В твоём — да. А в чужом? Как насчет «условно живых» людей?

Смерть пока не определила их судьбу. Большинство из них уже никогда не выберется из ее объятий, но у некоторых есть призрачный шанс вернуться в наш мир. Досадно, что даже среди таких «счастливчиков» есть тот, кто решил покончить с земными делами навсегда.

Его репутация говорит за себя — «серийный убийца», «экстремист», «психически нестабилен». Но, возможно, именно он справится с заданием, которое стало последним уже для семи высококлассных агентов?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105800-5

© Текшин А. В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Вместо пролога

Пусть это прозвучит донельзя банально, но у каждой нехорошей истории есть своя точка отсчёта. Нулевая отметка, «тайм зеро» — называйте как хотите, — после которой всё летит кувырком прямо коту под хвост. Не забывая при этом пару раз ухнуть в тартарары и закатиться к чертям на огонёк.

Поэтому если уже рассказывать по порядку, то лучше всего начать с моей смерти...

— Слушай, ну сдайся ты по-хорошему! — в который раз прошипела рация знакомым голосом Гохи. — Зачем пальбу в городе устраивать, людей пугать?

— Да ну тебя, — лениво отозвался я, колдуя с настройками старенького ноутбука, на экран которого выводилось мутное изображение с наружных камер. — Ещё предложи меня так, за бесплатно грохнуть, типа «при сопротивлении». Нет. Так сильно вам облегчать жизнь я не собираюсь.

— Никто тебя валить не...

— Гоха, ты прекрасно знаешь, что я даже до первого допроса недотяну, — напомнил я ему горькую истину. — А так хоть пошумим напоследок с мужиками, как в старые добрые времена.

— И ты в них что, стрелять будешь?!

— Только по тем, кто будет глупо подставляться.

— Ты псих!

— Верно, у меня и справка есть. Даже две, кажется...

— Ты неисправим! Я всё понимаю: и почему начал творить такую дичь, и почему не хочешь сдаваться. Но пойми — могут пострадать невинные!

— Именно поэтому мы именно тут собрались на огонёк, а не в центре города. Можете даже газа сюда напердеть, никто не пострадает.

— А как же заложники?

— Они и так спят, разницы не заметят.

— Значит, без стрельбы никак...

— Нет.

— Тогда мне больше нечем тебе помочь, — с сожалением констатировал Гоха. — Прощай!

— Привет жене, — отозвался я и чуть погодя добавил: — Извини, что на ваше новоселье не смогу прийти...

Бывший боевой товарищ, ныне оказавшийся по ту сторону баррикад, молча отключился. Ну да, его можно понять, и так наговорил слишком много даже для простого переговорщика. Надеюсь, у него не будет из-за меня проблем на работе. Но, с другой стороны, свою задачу он вполне успешно выполнил — заболтал меня, насколько смог.

Я пару секунд задумчиво повертел в руках ставшую бесполезной рацию, а затем со вздохом бросил её на колени связанному сержанту, периодически мычавшему что-то через импровизированный кляп. Он с напарником как раз осматривал ближайшую местность по ориентировке в поисках «народного мстителя», вот и одолжил мне своё средство связи ненадолго. Обоих пленников я от греха подальше усадил за толстыми бетонными колоннами, подпи-

рающими потрескавшийся свод, так что при штурме пострадать они вроде как не должны. Хотя... сейчас оба вряд ли оценят мою заботу.

Заброшенный ремонтный завод, в котором я окопался для своего последнего и решительного боя, методично окружали четыре вооружённые до зубов группы. И все на меня одного — прямо гордость берёт! Через обычные входные проёмы они ломиться не захотели, предпочтя широкие окна первого этажа, пусть те и находились на порядочной высоте. Там всё равно стёкол ещё со времён Перестройки не было.

Я это обстоятельство учёл и соорудил пару хитрых растяжек прямо под оконными проёмами. Ребята в снаряге весят как средневековые рыцари, решившие заняться подлёдной ловлей рыбы на Чудском озере, так что неудивительно, что под их тушами старые подоконники чуть прогнулись. А большего натянутым, как струна, растяжкам и не надо.

Гулко грохнули взрывы, взметнув наружу кучу пыли. Ох, сейчас на улице и переполох-то будет...

На какое-то время бойцам стало совсем не до меня. Но это лишь временная отсрочка — гранаты были светошумовыми, и серьёзно никто не пострадал. Разозлились — это да, ну так сами виноваты, нечего расслабляться. Зато теперь ко мне в диспетчерскую на третьем этаже будут ползти со всей осторожностью.

А между тем на горизонте наконец-то показался заветный белоснежно-синий «Рейндж Ровер», сияя хромом и включённой яркой «люстрой». Покрякав для солидности на зазевавшихся бойцов из оцепления, внедорожник вальяжно закатился на парковку для инвалидов. Хорошее место — и недалеко до

меня, и машина надёжно прикрыта ближайшими гаражами в случае чего. Не развесь я предварительно камеры по округе, ни в жизнь бы его не засёк.

Как и предполагал, полковник Рыбаченко решил лично засвидетельствовать кончину «народного мстителя», то есть мою. Слишком уж сильно я ему осложнил бизнес в последнее время, устранив многих постоянных «клиентов». Да и за свою шкуру он не мог не опасаться — двух сбитых по пьяни девочек ему в городе вряд ли кто простил.

Выбираться из удобного прохладного салона он не соизволил, выслушав прямо за рулём доклад подскочившего координатора в лёгком бронежилете поверх рубашки. Ну, штурм худо-бедно уже начался, а значит, скоро выступать ему перед телекамерами. Глядишь — и новая должность на волнах шумихи приплывёт прямо в потные трудовые руки. Тяжёлая работа, ничего не скажешь...

Я дождался, пока координатор отлипнет от машины, вернувшись обратно в импровизированный штаб, и взял в руки простенький чёрно-белый «Сименс». Нужный номер уже был забит в память, так что осталось только утопить резиновую кнопку вызова.

— Алло, это тебе с того света звонят, — прошипел я, не сводя глаз с зернистой картинки. — Ксения и Ольга Лисицыны, помнишь их?

В телефоне раздался протяжный гудок, тут же сменившийся частыми, как при отбое, и одновременно с этим изображение с камеры пошло крупной рябью. Уши спустя полсекунды расслышали солидное «ту-дум», но здание даже не дрогнуло. На века строили; что ему какой-то рванувший канализационный люк под автомобилем?

Теперь осталось отключить внешний жёсткий диск, на котором была расположена вся важная информация, и бросить его в заранее приготовленный стеклянный тазик. Битьё молотком в наше время бешеного развития технологий уже не гарантирует его окончательной гибели, так что пришлось добротнo заливать хард кислотой. Да, опасно для здоровья и совсем не экологично, зато надёжно.

Затем ёмкость предписывалось плотно закрыть крышкой и бережно поставить под стол. А ноутбук отправился в недолгий полёт через окно третьего этажа на асфальт, где ему предстояло разлететься на куски. Экспертам ведь тоже надо чем-то заниматься — пусть его собирают. К тому времени от харда одна мутная жижа останется. Это куда надёжнее, чем лупить по нему молотком.

И вот теперь можно с чистой совестью встречать гостей. А чтобы у них не оставалось сомнений в моей опасности, я изъял табельный «макаров» одного из патрульных, оставив все патроны у него в кармане. От греха подальше.

Но отойти от оконного проёма, выходявшего на глухой торец пятиэтажной хрущёвки, увы, мне уже не дали. Жгучей болью рвануло в груди, выбив воздух из легких и сильно толкнув меня назад. Я машинально схватился за рану, в тщетной попытке унять дикую боль, сделал неловкий шаг и, сам не понимая, каким образом, вдруг оказался лежащим навзничь на полу.

А ведь накануне сам проверял: ни с крыши, ни с земли единственное окно диспетчерской не простреливается, пули должны уходить либо в пол, либо в потолок. И устроиться на глухой гладкой стене панельного дома можно, разве что обхватив ягоди-

цами водосточную трубу, что очень неудобно для стрельбы.

Однако дыра в груди не могла взяться сама по себе. На тросе, наверное, стрелка спустили... Да теперь уже и неважно.

Я попытался убрать руку и дать крови свободно вытекать наружу, но не смог пошевелить и пальцем, будто конечность что-то крепко держало. Хрипя и кашляя алыми сгустками, кое-как наклонил голову вбок и увидел сидящую рядом Лидию, обеими ладонями зажимающую входное отверстие. Говорить я уже не мог, но к призраку, намертво засевшему в моей голове, можно было обратиться и мысленно:

«Отпусти меня, хватит!»

Но она лишь яростно замотала головой. Вот упрямая! Даже смерть её не исправила.

Веки, тяжелеющие с каждым мгновением, окончательно закрылись, но вот уши ещё продолжали функционировать, донося до умирающего без кислорода мозга торопливый дробный шум. Это берцы по лестнице стучат, неся своих хозяев наверх, ко мне. Ну, опоздали ребята, проставитесь потом обскакавшему вас снайперу.

А мне пора на покой.

Глава 1

Как ни странно, встречали меня на той стороне не рогатые черти, довольно потирающие мохнатые лапы, и не печальные ангелы с поникшими крыльями. И даже не Лидия, заждавшаяся меня на том свете куда больше других. Провожатым на ту сторону оказался сухонький старичок в белоснежных одеждах. Присмотревшись к странному для служителя небес одеянию, я понял, что это самый обыкновенный комбинезон, пусть и сделанный из незнакомого ячеистого материала.

Старичок строго посмотрел на меня, будто я ему всю месячную статистику по отпущенным душам испортил, после чего скрипучим голосом произнёс:

— Он приходит в себя. Через пару минут будет полностью готов.

Что?!

Я мигом перевел мутный взгляд за старичка, пытаясь понять, где нахожусь. Не дай бог — реанимация! Голова не слушалась и даже как-то не ощущалась, но, насколько хватало радиуса обзора, вокруг нас ничего не было, кроме гладких белоснежных стен. А я их сослепу принял за обычный посмертный фон.

Скосил глаза максимально вниз и разглядел край кушетки, на которой лежал. Всё того же похоронно-

белого цвета, как и пижама на мне. Откачали всё-таки... Но как им это удалось, с такой-то раной?

— Молодой человек, не дергайтесь! — погрозил мне длинным узловатым пальцем старичок. — Дышите ровно, скоро должна вернуться чувствительность.

Странный эскулап попался — как будто не знает, кто тут перед ним. Другой на его месте — более сознательный, — наоборот, молился бы, чтобы я как можно дольше в его присутствии оставался беспомощным растением. А то как бы самому на реанимационный стол не загромоздить, с таким-то беспокойным пациентом!

Но это в лучшие времена. Сейчас же я чувствовал себя старой замороженной котлетой, которую стали медленно разогревать в микроволновке. В мышцы одну за другой накачивала острая покалывающая боль, постепенно переходившая в тянущую, оставляя после себя горящие огнём нервные окончания. Будто сначала их отсидел, а потом ещё и отморозил. От скручивавшей тело рези хотелось выть волком, но я терпел, не пытаясь выклянчить обезболивающее.

Одним из первых ко мне вернулся контроль над шеей, чуть ли не со скрипом оторвавшейся от жёсткого ложа. Круговой осмотр помещения, когда перед глазами поутих разноцветный фейерверк, оставил больше вопросов, чем ответов. В комнате, кроме меня в пижаме, старичка и кушетки, не было вообще ничего, в том числе и вполне ожидаемого дверного проёма на одной из стен. Да и чёрт с ним, как и с оборудованием для жизнеобеспечения! Но с кем только что врач общался?

Чувствительность продолжила болезненное шествие по моему организму, поочерёдно запуская

застоявшиеся без дела системы — закололо в руках, в животе заурчало, а от мышечного усилия ещё и уши заложило. Я прилёг обратно, прекрасно рассмотрев широкие медицинские ремни-фиксаторы, стягивающие мои запястья, и стал приводить засбоившее дыхание в порядок, как и советовал старичок.

Через некоторое время негативные ощущения понемногу стали утихать, но в теле воцарилась такая слабость, будто в жилах вместо крови текла одна молочная кислота. Последствия сильного наркоза? Или терапии? Я ведь всё-таки самостоятельно дышу, и кровью не булькаю, и даже не хрипит ничего. Чудеса...

Минут через пять отошёл и язык, едва ворочавшийся во рту, словно я всю жизнь одной хурмой питался.

— Где?.. — Вот и всё, что я смог из себя выдавить.

— Не важно! — отрезал старик, поднеся к моим губам небольшой стакан с трубочкой. — Пейте.

Что ж, тост так себе, но жажда сдавила горло аж до скрипа гортани.

То ли в стаканчике была обычная дистиллированная вода, то ли рецепторы ещё окончательно не пришли в норму, но жидкость не имела ни вкуса, ни запаха. Однако после неё мне окончательно полегчало, даже голова почти перестала кружиться. Увы, но второго стаканчика у старичка при себе не оказалось. Видимо, в его планы не входило, чтоб мне стало совсем хорошо.

Пока я отпивался, в помещение просто и буднично вошёл представительный мужчина в деловом костюме, прямо через образовавшийся в стене проход. Именно образовавшийся — секунду назад его

попросту не существовало. Выглядело это как резко раздавшаяся в стороны вертикальная щель, и вот уже в проёме виднеется часть какого-то безликого коридора. При этом не осталось даже малейшего намёка на створки.

Я уже чётко понимал, что нахожусь не на том свете, но вот такие инопланетянские фокусы на ровном месте... Тут поневоле задумаешься: а не поехал ли мой чердак окончательно? Или просто меня чем-то не тем накачали?

Между тем мужчина элегантно уселся на вздыбившийся участок пола, застывший в виде полукруглого сиденья со спинкой, откашлялся и хорошо поставленным глубоким баритоном произнёс:

— Здравствуй, Клим.

Я невольно поморщился: не то чтобы мне надоело собственное имя, но в последнее время те, кто его упоминали, хотели моей смерти. Что поделаешь, обратная сторона высокой популярности «народного мстителя».

Кушетка бесшумно пришла в движение, приподнимая верхнюю половину моего тела и чуть приспущая ноги. В конце концов, я замер, будто в стоматологическом кресле, вот только сильно шевелиться не мог — фиксаторы обнаружили ещё на лодыжках, и даже в районе талии меня держало что-то вроде широкого ремня.

Старик, с пустым стаканчиком в руке, зачем-то провёл ладонью по моему ложу и с поклоном вышел вон. Проход за его спиной схлопнулся сам собой, снова превратившись в монолитную стену без малейшего стыка. Но после увиденного мною кресла, выросшего прямо из пола, это уже перестало выглядеть какой-то фантастической диковинкой.

Мы с мужчиной остались вдвоём. Я по привычке отметил явно военную вышивку и безупречный, а значит, очень дорогой внешний вид посетителя. Даже тёмная шевелюра уложена волосок к волоску, как будто он только что вышел из-под рук стилиста. Кожа чуть смуглая, но это скорее природное, чем последствия загара. Явный креол — в лице преобладают как резкие черты народов Кавказа, так и славянская мягкая пластика.

— Ты можешь говорить? — поинтересовался фронт, чуть растягивая гласные, как принято в нашей горячо любимой столице.

Горло после безвкусной выпивки перестали драть пустынные кошки, и вполне можно было попробовать что-нибудь ему ответить.

— Где... я нахожусь?

— В гостях, — уклончиво ответил мужчина. — Меня зовут Георгий. К тебе есть предложение. Очень серьёзное. Ты готов его выслушать?

— А если... нет?

— Тогда Роберт Эдуардович что-нибудь нам выделит из своих запасов. — Георгий кивнул на глухую стену, в которой скрылся старичок. — Для прочистки мозгов.

— Спасибо... не надо.

— Вот и отлично! — Фронт сделал странное движение рукой, будто перелистывал невидимую страницу журнала. — У тебя впечатляющее досье. Клим Денисов, позывной — Ка-Де, как оригинально... Показатель интеллекта, несмотря на травму, довольно высок. Это хорошо. Думаю, наш разговор не затянется.

Это он о моей контузии, а не о сквозняке в груди. Наверняка моё личное дело уже давно предали